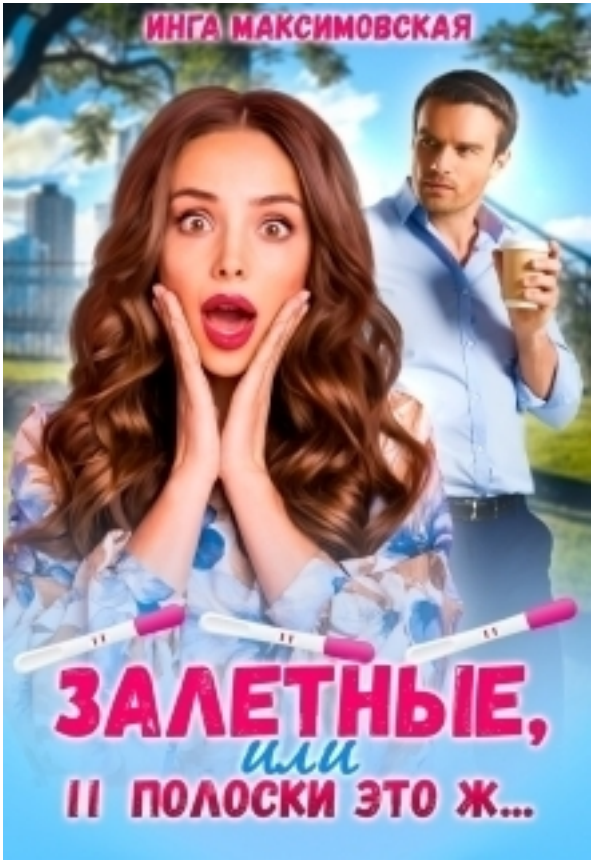

ИНГА МАКСИМОВСКАЯ
ЗАЛЕТНЫЕ,
или
II ПОЛОСКИ ЭТО Ж...

Инга Максимовская

Залетные, или две полоски это ж…

Серия «Большие люди»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69786007

Аннотация

Разрушить свою жизнь за один день? Да легко. Тем более, что она у меня и так не эталон счастья: двадцать пять лет, девственница, без работы, без перспектив, без любви.

Но одна маленькая слабость даже эту гремучую смесь перевернула с ног на голову.

Две горящие полоски в окошечке теста на беременность и полное непонимание своего будущего.

И виноват в этом шикарный незнакомец, который даже внешности моей не помнит.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Инга Максимовская
Залетные, или две полоски это ж…

Уважаемая госпожа…

С прискорбием сообщаю Вам, что наш банк не может выдать Вам кредит.

Причин несколько.

• Цель кредита – операции по улучшению внешности не является достаточной, для получения средств.

• Отсутствие кредитной истории

• Недостаточный ежемесячный доход.

• Недостаточный трудовой стаж

Надеемся на Ваше понимание, и дальнейшее сотрудничество.

С уважением начальник кредитного отдела Ухов А. Г.

Пролог

Стелла

Боже, где я так согрешила, что ты караешь меня столь изощренным способом?

Я металась по дорогущему гостиничному номеру, в поисках кроссовки, купленной мной на вещевом рынке за гнутые копейки, стараясь не смотреть на пол, на котором распласталось шикарное мужское, абсолютно голое тело. Тело Аполона, едва прикрытое шелковой простыней, пропущенной между охрененно – мускулистых бедер.

– Это была не я, – прошептала я мантру. – Это была не я. Это все от лукавого.

Сглотнула, вспомнив прикосновения чужих рук к моей коже, попыталась вдохнуть через нос. Уши тут же заложило. Точно, уши. Он держал меня за них руками, когда… Ооооо. Это же просто катастрофа.

В памяти всплыли такие моменты окончания вчерашнего вечера, что у меня закружилась голова. Это точно произошло не со мной – отличницей и разумницей. Ну не могла я отдаться первому встречному, подарить ему то, что умудрилась сохранить до двадцати пяти лет нетронутым, для то-

го единственного, который бы принял меня такой, какая я есть. И ничего, что за всю мою жизнь на горизонте не появилось такого человека. И только этот дорогущий алкаш, валяющийся на персидском ковре, воспринял совершенно спокойно мое проклятье.

Куртку пришлось цеплять прямо на голое тело. Лифчик видимо остался там же, где и кофточка. Я выскочила из номера босая на одну ногу, застегнув до горла молнию на куртке и побежала к лифту не оглядываясь.

Глава 1

Стелла

Жалеть о сделанном дело гиблое

– И что, ты пошла черте с кем в отель на час? А потом он сбежал? – жадно спросил Гор, помешивая ароматный кофе ложечкой с длинным свитым черенком. – Ты ненормальная. Предохранялись хоть? Боже, не даром народ сочнил пословицу про омуты и чертей. Вдруг бы этот твой дефлоратор оказался маньяком. Или еще хуже – слепым идиотом.

– В том то и дело, что нет, он не сбежал. В этот раз смылась я, – выдыхаю, трогая пальцем чертово ухо, которое снова отклеилось и теперь торчит даже из под пышного каре, и кажется трепещет на ветру, как парус. Странно рассказывать, замершему от восторга другу неформальной ориентации о том, что я все же лишилась девственности с мужиком имени которого не удосужилась даже запомнить, и пала я в туалете бара, а потом в каком-то закоулке, продуваемом всеми ветрами, и еще несколько раз по пути к шикарной гостинице, в которой я совершенно сошла с ума… Вчера я была плохой

девочкой. Очень плохой. Почти пропащей. Отчаялась, поддалась идиотским советам своего друга детства, сошла с ума – это не так важно. И мне это чертовски понравилось. – И был он совсем не слепым. Он был похож на бога, черт бы его побрал. И лучше бы он убил меня и съел, а не вот это вот все.

Я просто решила, что пора расстаться с атавизмом – а конкретно с позорной девственностью. Гор вчера сказал, дословно, что быть целкой в двадцать пять, ну реально фу и позорище. И мой подогретый бейлисом мозг, почему-то с ним согласился.

– Ну вот, видишь. Красавец, богатый, и его не отпугнула твоя хм… Особенность. Я бы на твоем месте…

– Ты не на моем месте. Гор, он был пьяный в дугу, и в случившемся виноват ты, со своей чертовой философией, – горестно вздохнула я, засовывая в сумочку кусочек печенья. Бодрый хруст оповестил меня, что вкусняшка достигла адресата, а точнее белого крыса по имени Капитан Спарроу, моего любимца и лучшего друга, – Он бы, наверное, не обратил внимания, даже если бы у меня вырос хобот и пробились усы как у Чапая.

– Слава богу, нашли виноватого, – хрюкнул мой старинный друг, манерно сморщив нос. – Ну, хоть красавчик был? Имя то поди, как у Дикаприо? – заерзал на стуле Горыныч, отхлебывая из широкого бокала мартини, в котором болталась оливка. Меня затошнило, и в глазах поплыли прозрачные шары. Алкоголь я пить теперь не буду совсем, наверное.

– Я не знаю его имени, – выдохнула я, делая огромный глоток огненного каппучино. Да даже если бы и удосужилась познакомиться со своим первым мужчиной, то поскорее постаралась бы стереть из памяти.

Глава 2

Почему женщины делают глупости

День накануне

– Ты прекрасна, – выдохнул мой Ромео, утнувшись носом в мое же декольте. – Майская роза, припорошенная снегом. Я хочу согреть тебя собой. Оооо, детка, – застонал парень, которого я знаю всего несколько часов. Познакомилась с ним в интернете. И его прыщавая морда, ну не вызывает во мне тех эмоций, на которые я рассчитывала. На фото на сайте знакомств красавчик выглядел ну совсем иначе. А это какая-то жалкая профанация. За его вялыми признаниями я не услышала звука, которые обычно предвещают начало конца.

«Сссссцоп» – прошелестело в пространстве. Ромео отпрянул и в его глазах заметалась уже знакомая мне паника.

– Я вспомнил. Мне это… Надо бежать. У меня у бабушки кошка рожает, а я фельдшер. Я же писал. Прости.

Я лишь кивнула, и дотронулась до волос. Скотч все таки не выдержал, и мое «проклятье» показало себя во всей красе. Хотя, сегодня я этому была даже рада. Нет, вру. Мне хо-

телось рыдать, потому что если даже этот «спермотоксикозный» сбежал, то ловить мне нечего. А часики тикают. Мне уже целых двадцать пять лет. Я не уродка, не круглая дура. Обыкновенная неудачница с комплексом неполноценности, каких миллионы вокруг. Нет, вру. Я неудачница в квадрате. А еще у меня есть маленькая особенность, которая является самой огромной моей проблемой.

Я шмыгнула носом, и вышла из съемной квартиры, в которой мечтала стать счастливой. Не с моим везеньем.

Бар оказался слишком дорогим. Но искать дешевую «реанимацию» было еще дороже. Хотя, может там бы я смогла найти свое счастье. Говорят ведь, что некрасивых женщин не бывает – бывает мало водки. Может я до сей поры просто не там искала? Нет, я не страшная, по крайней мере так говорят все вокруг. Просто имею одну особенность. Но об этом позже…

– Триста водки и огурец, – приказала бармену, гляд в меню, и честно сдерживая порыв, пробормотать «Однако» в стиле горячо любимого мною Кисы Воробьянинова.

– Огурцов не держим с, мадам, – с издевкой хмыкнул служитель стакана и бутылки, явно студент, знающий бессмертное творение Ильфа и Петрова. – Можем предложить печеный миндаль и бастурму.

– Я вегетарианка, – вякнула я, мечтая о консервированном ананасе, и сто раз уже пожалела, что приперлась в это гнездо порока. – Миндаль давайте.

А если бы знать, что будет дальше, то стоило нестись из пафосной забегаловки ломая подошвы дешевых кроссовок. Но я решила, что имею право на «жаление себя», а это, знаете ли железная причина. А что? Что еще делать безработной вчерашней студентке, которой даже кредит не выдают по причине ее никчемности. Работу не найти, всем нужен специалист с опытом. А где его взять то? Замкнутый круг, по которому я несусь, как Капитан Спарроу по своему колесу, не видя выхода.

– Водка оказалась ледяной и… вкусной. Я взяла со стойки рюмочку на тонкой ножке, закрыла глаза и проглотила огненную воду, пронесшуюся по пищеводу горячей волной. В голове зашумело.

Я даже не увидела, скорее просто почувствовала, что рядом со мной кто то существует. И этот кто-то пышет жаром, и дорого пахнет. Резко обернулась к источнику притягательного аромата и чихнула, обдав брызгами водки и орехов офигенного мужика, такого, что у меня аж заложило мои выдающиеся уши. Именно о таких фантазируют все женщины, находящиеся в здравом уме, в своих влажных фантазиях. Мне даже не стоит и мечтать о подобном. Точнее, мне вообще стоить оставить идею кого-то соблазнить. Я стану теткой с крысой в сумке. Шапокляк. Хотя, скорее напоминаю чебурашку. Только ноги у меня длиннее. И пузо не волочится по земле. Но уши – прямо точь – в точь.

«ссссц…» – снова раздалось у меня за ухом. Но я снова

этого не услышала. Дурацкий скотч, которым я приклеиваю огромные уши, опять не выдержал нагрузки.

– Простите, у вас ух отклеился, – пьяно «мукнул» красавец, радостно улыбнувшись. – Я думал тебя снять, детка. Но чтоб такое. Ты превзошла все мои самые смелые фантазии. Я то считал, что достаточно искушен. Но, чтобы у девушек вот так вставали на меня хм… уши… Ну, то есть, ухо…

– Прявдо? – пьяно икнула я. Ну да, рюмки мне достаточно, чтобы стать ловкой сильной и смелой.

– Прявдо, – заржал Ди Каприо, чтоб его черти драли. Он даже не испугался того, что моё правое ухо приняло свой реальный вид, и теперь бесстыдно торчало, похожее на зеркало заднего вида грузовика. А мне почему-то не было обидно от того, что этот нахалюга меня передразнивал. – Так ты согласна?

Черт, черт, черт. Надо было бежать. Просто уносить свои поддельные найки со скоростью, которую они могли бы выдержать.

– На что?

– Тут есть прекрасный туалет, – горячо шепнул мне в отклеившееся ухо этот демон искуситель и вдруг ухватил меня за подбородок сильными пальцами и я почувствовала на своих губах его вкус. У меня просто снесло крышу. От его близости, от жгучего предложения, от чувства опасности ну и естественно от выпитой мной рюмки водки без закуски. Да, думаю именно эта чертова огненная вода стала причи-

ной всех моих бед. Ну конечно же водка, а не разлившееся внизу живота возбуждение и непонятно откуда взявшийся, абсолютный идиотизм.

– Я никогда… – прошептала, чувствуя как щеки заливает горячим теплом.

– Ну, когда-то нужно начинать, – жарко выдохнул аполлон, обдав меня ароматом сигар и дорогого алкоголя. – Тебя как вообще сюда занесло – то, цветочек аленький? Здесь не место, таким как ты.

– Каким? – в душу начала просачиваться обида. Ну да, слишком пафосно для девки, у которой кроссовки стоят, как полрюмки водки в этом снобском баре, в котором даже обслуга на меня свысока смотрит. Ну да. У меня нет сумочки, как вон у той холеной ведьмы с силиконовыми губами, сидящей на барном стуле и пожирающей нас глазами. Да мне даже в кредите отказывают на исправление моего дефекта. А эта красотка сделала себе губы и скорее всего грудь, и… Чем она лучше то? Я сморщилась было, собираясь зарыдать, но вспомнила о незнакомце и передумала.

– Глупым и наивным. Ну, или ты пришла сюда с определенными целями? Детка, такие чистенькие девочки, как ты не ходят по дешевым «рюмошным».

– Да, я хочу опробовать туалет, – заливаясь краснотой икнула я, удивляясь своему безбашенному идиотизму. – С вами… С тобой, то есть…

Черт, черт, черт, что я несу? Я же даже по нужде не хожу

в общественные сортиры. Брезгую. Какой бес меня дергает сейчас? Этот дорогущий алкаш прав, мне тут не место. И я правда чистая и невинная, как одуванчик, сейчас сама лезу в сети к хитрому пауку, не в силах сопротивляться его притяжению. И наша с ним разница равна пропасти. Мы из разных социальных слоев, разных миров.

«Надо бежать» – наконец-то выдал здравую мысль мой разгоряченный мозг.

– Мне «Джони» чистого-приказал бармену красавчик, отвлекшись от меня лишь на минуту.

Вы когда-нибудь пробовали сорваться с места в галоп, соскочив с барной табуретки? Не пробуйте. Я дернулась, пытаясь спастись бегством, но моя нога попала в подставку для ног, и я с грохотом обрушилась на пол, сверху на меня свалился сам стул, который оказался жутко тяжелым. Забарахталась в пыли, став похожей на пришпиленного гарпуном осьминога.

– Двойную порцию, – раздался над моей головой озадаченный голос, в котором я услышала едва сдерживаемый смех. – Даме больше не наливать.

– Почему это? – глупо икнула я, пытаясь испепелить мерзавца взглядом, но вышло это у меня плохо. Потому что так скосить ясны очи может только ночная сова, а у меня из суперспособностей только огромные уши и космическая неуклюжесть.

– Пожалуй, я начну с твоего рта, – вдруг совершенно трез-

вым голосом сказал этот хам, и я поняла, что вряд – ли сама смогу подняться с пола. Показалось, что меня парализовало по пояс. Его взгляд действовал на меня, как взгляд хитрого змея искусителя на маленького несчастного лопоухого кролика. – А потом…

– Не надо, – жалобно пискнула, чем, кажется, раздразнила удава еще больше. Он склонился ко мне так близко, что я увидела темные щетинки на щеках, почувствовала тонкий аромат виски и еще чего-то дразнящего ноздри, волнующего. Сводящего с ума.

– Ну не могу же я позволить такой аппетитной малышке валяться на полу рыгаловки. Это не по джентльменски. – хмыкнул паразит и с силой потянул меня за шкирку, как шелудивого котенка. – А то вдруг кто-нибудь другой подберет.

– Я с вами никуда не пойду, – затрепыхалась я, но моего запала хватило ровно до того момента, когда горячие чужие губы впились в мои, покрытые дешевой «гигиеничкой». И в моей бедовой голове распустились огненные пионы, черт бы их побрал. Рассыпались искрами в очумевшем мозгу.

– Тогда я тебя «похичу», или как там правильно говорить «похищу»? – прямо в рот мне выдохнул красавец. Да я и не против уже была. Видимо в слюне этого придурка был какой-то токсин, отключающий остатки мозга у ушастых девственниц. Потому что сейчас я бы пошла за ним, как тот ослик за морковкой, на край света.

Он тащил меня за руку, делая такие огромные шаги, что

я едва поспевала. Но желания вырваться у меня так и не появилось.

– Заорать что ли? – подумала я вяло, и продолжила бешеный бег за тем, кто скорее всего окажется гадским монстром, а не принцем из девичьих грез.

Падение вниз, на самое дно, по извитой уродливой барной лестнице. Какая странная шутка мирозданья. Не смешная, но я решила, что потерять девственность хочу именно с этим дикарем, похожим на олимпийского бога. И гори все огнем. Словно в глубины ада проваливалась, увязая по самую маковку.

Вадим

Она должна была сбежать. По всем канонам жанра, эта глупая овечка должна была слиться еще на этапе, когда я запихнул ее в чистую, но казенную кабинку туалета, и повернул защелку на двери. В ее глазах плескалась странная смесь ужаса и какой-то глупой решимости. Дура. Они все полные идиотки. И Лилька сука, такая же. Это из-за нее я так нажрался сегодня. Пять лет. Пять идиотски тягучих лет, я терпел ее капризы, скандалы и истерики. И ради чего? Чтобы услышать, какой я скот? Такие заявления довольно-таки странно слышать из уст бабы, заявляющей, что беременна по телефону. Это какой-то абсурд. Готов ли я к отцовству? Вот

это вопрос на миллион, а то и на миллиард. Хотя, и на него у меня есть ответ. Ребенок родится, хотя бы потому, что он не виноват в том, что его родители такие полудурки. Родится, и не будет ни в чем нуждаться. А вот Лилька не входит в сферу моих интересов. Я вдруг понял, что не хочу связывать свою размеренную жизнь с капризной, холодной сукой. Но с этим я разберусь завтра. Сегодня у меня есть дело поинтереснее. Откуда она взялась эта глупенькая куколка, похожая на маленького ушастого зайчонка пахнущего сливочными тянучками и молоком? Черт, чувствую себя дедом Мазаем. Жутко возбужденным дедом, у которого весло в штанах просто гудит от напряжения. Давно бабы не вызывали во мне такого яростного желания. Никогда.

– Не надо, – одними губами прошептала малышка, когда я вдавил ее податливое тело в кафельную стену. – Пожалуйста. Я…

– Я хочу твой рот, – рыкнул, задирая уродскую кофточку, украшенную какими-то мультяшными зверушками. – Черт, тебе лет то сколько?

– Двадцать пять? – икнула малышка, как раз в тот самый момент, когда я вцепился зубами в застежку лифчика между двумя маленькими, аккуратными грудками. Вся она была какая-то хрупкая, как былинка на ветру. От аромата ее тела голова кружилась, как в центрифуге. Да уж, космонавтом, как мечтал в детстве, стать я бы не смог. Если даже столь привычное для меня дело, вызывает такую бурю головокру-

жения. Черт, но не может меня так плющить от незнакомой, ушастой девчонки. Или может? Потому что мой эдемский змей в штанах буквально умоляет меня снять чертовы брюки, и утолить его животную похоть. Чертов лифчик наконец-то поддался, и я как голодный припал к заострившемуся розовому соску, вцепившись руками в какую-то изогнутую железку. Спасибо дизайнеру толчкового интерьера. Он не дал мне погибнуть в расцвете лет, размозжив голову об гранитный казенный пол.

Девка застонала, и у меня совсем снесло крышу, когда она заскользила спиной по блестящему кафелю, опускаясь вниз, к раззадоренному «удаву».

– Я никогда в жизни не делала этого, – пролепетала дурочка, уставившись на готовый к бою член, который я наконец-то выпустил на свободу.

Черт. Маленький язычок скользнул по розовым блестящим губам, и мне показалось, что еще немного, и яйца просто разорвет от напряжения. Когда она коснулась им головки моего «змея», показалось, что мир вокруг исчез. И все проблемы мои растворились в пространстве. Осталась только эта странная ушастая глупышка, которую я ухватил за уши, и насадил на дрожащее от возбуждения «копье». Она задохнулась, заставив мен ослабить хватку. Отстранилась, а потом робко продолжила начатое нами безумие. Я думал, что достаточно искушен. Я ошибался. Удовольствие, которое доставила мне эта зайка было несравнимо ни с одним из полу-

ченных мною когда-либо. И эти чертовы уши, за которые я держался, боясь, что если расцеплю пальцы, то просто воспарю к потолку барного туалета, а потом свалюсь и размозжу тупую свою башку об толчок. Эти уши наверняка станут моим фетишем.

Она затрепыхалась, когда я взорвался оргазмом, и кулем обвалилась к моим ногам. И черт меня побери, если на ее губах не играла странная улыбка. Я не уверен, потому что лицо куколки странным образом осталось в моей воспаленной алкоголем и охрененным удовольствием, смазанным пятном. Зато вот уши малышки я запомнил на всю жизнь.

– Пойдем, – прохрипел, помогая ей подняться.

– Куда? – сипло спросила она, вытирая губы тыльной стороной маленькой ладошки. – Хотя, в принципе, мне это не так важно.

– Прости, только в отель, – ухмыльнулся я, чувствуя себя полнейшим козлом.

– Ну, лошадок, так лошадок, – пробормотала невпопад девчонка. Может у нее с головой непорядок? И как я сразу не догадался. А, впрочем, меня это не пугает – Отель так отель.

Глава 3

Стелла

А я сошла с ума. Ах, какая досада. Мы бежали по ночной улице, словно одержимые, будто за нами гналась стая адских псов. Но нет, нас гнал основной инстинкт, а она пострашенее оказался милых собачек из преисподней.

– Как тебя зовут? – спросил красавец. Надо же, вспомнил. Хотя, постель не повод для знакомства, так кажется говорят прожженные циники.

– Лорейн, – зачем то солгала я. И имя то какое-то придумала идиотское. Хотя более идиотского имени, чем то, которым окрестили меня родные родители придумать трудно. Эстель, в сочетании с прекрасной фамилией Мухина, звучит ни чуть не менее идиотски, чем Лорейн, как мне кажется. – А вас… То есть тебя? Как зовут тебя?

В горле пересохло, и казалось, что в нем поселилась стая маленьких ежей.

– А меня не зовут, я сам прихожу, – оскалился этот несносный мужлан, и у меня ослабли колени от вида его крепких белоснежных зубов. Господи, ты послал мне это испытание за какие грехи?.

Я вдруг осознала, что стою в каком-то темном закоулке, и надо мной нависает громада, состоящая из мускулов, алкоголя, феромонов и опасности. И намерения его весьма прозрачны.

А он не стал больше миндальничать. Просто подхватил меня под мышки, как занюханного плюшевого зайца, и обжег своими губами мое чертово ухо, которое тут же начало гореть, и скорее всего стало пунцовым. И темнота сейчас мне показалась благом.

– Пусти.

Мой мышиный писк, кажется раззадорил моего горячего незнакомца еще больше.

– Ну нет же, – прорычал этот аспид, ныряя языком в… Черт, я никогда не думала, что мои проклятые уши настолько чувствительная эрогенная зона. Горячее прикосновение сводило с ума. Он слегка дунул в мое ухо, а внизу живота взорвался огненный шар, который рос там еще с того момента, когда я впервые попробовала на вкус этого бешенного жеребца.

– Боже, – выдохнула я, выгибаясь в сильных руках. Трусики из комплекта неделька промокли на сквозь. Он посмотрел удивленно, и глаза его потемнели, превратившись в два вихрящихся убийственных урагана. Мужские пальцы скользнули за пояс моих джинс и через мгновение я орала от разливающегося по телу удовольствия. Я и не предполагала, что могу сойти с ума от одного легкого прикосновения к моей

яростно пульсирующей плоти. Словно ядерную кнопку нажал мой странный первый любовник, взорвал меня изнутри, заставляя орать в свой собственный, закушенный зубами кулак.

– Бестия, черт бы побрал тебя. Чертова ведьма.

Бархат мужского голоса сводил меня с ума. Или это повисший в воздухе аромат секса так дразнил рецепторы. Черт его знает. Но я хотела большего. Голова кружилась от выпитого, от чувства свободы и бесшабашной глупости.

Он занес меня в отель на руках, завернув в свое пальто, словно окуклившуюся гусеницу. Я дрожала в его руках, как заячий хвост. Но не от холода, как подумал хищный незнакомец, так и не назвавший мне своего имени. Я тряслась от предвкушения и страха.

– Господин Корф, вам как обычно, в номер? – поинтересовался встрепенувшийся портье.

– Нет, до утра даже не подходите к моей двери. Рискнете, я просто вас поубиваю к херам, – прорычал ненасытный зверь, направляясь к лифту. И вот тут я поняла, что окончательно влипла. Он тащил меня в свою берлогу, как трофей победителя. Как боренейский орангутан, затаскивающий свою самку в пещеру, с весьма прозрачными намерениями. И самое страшное, что я была не против. Впервые в моей серой бесцветной жизни я чувствовала себя безбашенной и неправильной. И это мне нравилось до одури. И этот сильный мужлан, принимающий решения так легко, сегодня был моим

принцем. Пьяным, безлошадным, но дико притягательным и сексуальным. Я знала, что завтра буду жалеть о сделанном. Но сегодня мне хотелось именно сумасшедствия.

– Я боюсь, – выдохнула я, когда дикарь бросил меня на огромную кровать, и начал сдирать с себя одежду. Задохнулась, увидев нацеленное на меня, готовое к бою «орудие», похожее на гаубицу, ей богу.

– Рот, сейчас он мне не нужен, – властно приказал жеребец, раздирая фольгу. Я как зачарованная смотрела на то, как мужчина натягивает на подрагивающий блестящий член, смешной розовый презерватив, воняющий клубникой. Слава богу хоть у него сработал инстинкт самомохранения.

Сильные руки вцепились в последнюю преграду, отделяющую меня от грехопадения. Я попыталась удержать оплот невинности в виде голубых джинс, но тщетно.

– Животное, – всхлипнула я, когда он рыча и чертыхаясь стянул с меня чертову тряпку и уставился на дешевые трусики, с видом людоеда племени мумба – юмба.

– Сними их сама, умоляю. Я боюсь, что у меня просто в башке порвется аневризмам, – прохрипел мой мучитель. И я подчинилась. Извивалась на кровати, пока дикарю не надоело, и он не дернул своими ручищами тонкий трикотаж.

Время растянулось, как жеванная жвачка. Застыло, когда я мужсикие руки с силой развели мои колени, мужчина громко втянул носом воздух и я почувствовала невозможно сладкое вторжение. Замерла ожидая боли…

– Ты что? Ты…? В двадцать пять лет? Боже, я совратил непорочную зайку. Детка, я могу остановиться, только скажи. Я ж не животное.

– Да сделай же это черт возьми, – взмолилась я, чувствуя себя развратной и грязной. И мне это ощущение дико нравилось. – Трахни меня.

– Уверена?

Я была уверена на все сто. Я была на небе от ожидания заполненности и адского возбуждения, жгущего мое тело словно раскаленное железо.

– Давай же, жеребец, – простонала, и взвилась от оглушительной короткой боли. Он растягивал меня медленно, пока преграда не пала, а потом просто сошел с ума. И меня свел, чертов мерзавец. Потому что это было восхитительно. И боль, о которой трепались девчонки, была ничем в сравнении с крышесносным оргазмом, накрывшим нас одновременно. Зверь зарычал, вцепившись в мои ягодицы до боли, до звезд в глазах. Но мне быоло все равно, потому что я улетела в неведомые дали, и боялась, что уже никогда не вернусь на грешную землю.

Он обрушился на кровать, и по хозяйски положил лапищу мне на лобок, словно заявляя права.

Вадим

На следующий день

Сбежала. Чертова девка убежала босая и полуголая. Неужели я ей так не понравился. В голове словно поселился кузнечный молот, а в яйцах звенящая пустота. Я не то что имени, лица ее не помню. Но почему то думаю все утро об этой ненормальной. Нахрена я так напился, накануне подписания сделки, которую я готовил полгода? Выгляжу сейчас, словно по мне проехался танк. Но мне все равно, черт бы побрал эту лопоухую ведьму. Потому что даже о мысли о ней, у меня начинает гудеть в штанах, а от головы отливает вся кровь.

– Вадим ты меня слушаешь вообще? – раздраженно пробухтел Гриша. – Я уже полчаса распинаюсь, может посмотришь документы?

– После, Гринь, – прохрипел я, борясь с тошнотой и сушняком. – Я сегодня слегка не в кондиции.

– Ты в последнее время очень часто не в кондиции. Лилька оборвала все телефоны. Искала тебя.

– Я отключил мобильный. Вчера мне было мне до разговоров.

– А знаешь, ты все таки животное, Корф, – заржал Григорий, заколыхавшись вторым подбородком. – Но я не осуждаю. Бабы приедаются. Это как торт – вроде вкусно, но много не съешь. – Так кто та кудесница, которая высосала силы из самого Корфа? Дорогая девочка? Сколько отдал?

Я поморщился, иногда этот напыщеный индюк чертовски прав, и мне это не нравится. И по поводу моей бывшей он оказался нечеловечески прозорлив. А он ведь и вправду похож на птицу, так любимую янки. И смеется, словно клокочет.

– Давай мы обсудим мою принадлежность после подписания договора со шведами, – поморщился я, залпом осушив бутылку дорогущей минералки. Хоть убей не могу почувствовать разницу между русской водой и французской. Но Гришка упорно покупает золотую водичку. Хотя, с похмелья мне все равно чем заливать горящие трубы. Если Гриня считает, что мой сушняк удобрять деньгами полезнее, так тому и быть.

– Просто скажи, как она? И я отстану. Горячая штучка?

– Кто? – включать дурака я так и не научился.

– Та, которая так тебя измотала, братишка.

Я промолчал. Не говорить же Григорию, что я даже внешности малышки, которую подцепил в дешевом баре не помню. Зато помню, как держал ее за уши, насаживая ртом на мой… Черт, и это было восхитительно. А еще она была девственна, и мне казалось, что я схожу с ума от раздирающего

удовольствия. И я бы ни за что не отпустил девку, если бы не проспал как тюлень все на свете. На память о незнакомке мне достался поддельный найк, дешевенький лифчик и кофточка с собачками. И теперь я ни о чем не могу думать, кроме как о том, чтобы найти эту ушастую бестию. Но как это сделать, если ее внешность стерлась из моей памяти более сильными воспоминанияи и эмоциями. Одно я помню – уши у куколки были выдающимися. А еще я помню, что она была просто огненной, целомудренно – развратной, и я почти сошел с ума от взрывного удовольствия.

– Я не плачу за удовольствие, Гриш. Это удел неуверенных в себе задротов, – расплылся я в улыбке. Гриша дернул щекой и заткнулся. Уж кто как не я знал, что мой зам частенько покупает любовь, пусть и задорого. И делает он это на деньги, которые ему дал я. Вот только в последнее времфя индюк что-то расправил крылья. И меня это жутко бесит.

– Уши, – я поперхнулся водой. Ну да, я помнил толькоее уши, и осознавал, что найти по этим выдающимся лопухам мою ночную фею будет почти невозможно. Да и зачем? Черт, зачем мне очередной геморрой?

– Что ты сказал? – встрепенулся Гриня.

– Я говорю, что шведы получат от хрена уши. Контракт фуфло. И если они не примут наши условия…

– Лильке перезвони, она просила, – уже в спину крикнул мне зам, собирая со стола рассыпанные бумаги. Догнал он меня уже возле машины.

– Едешь рядом с водилой, – приказал я, выслушал недовольное бормотанье, поднял стекло отделяющее пассажирскую зону от водительской и достал мобильник. Бежать от проблем я не привык. Набрал номер Лильки и приготовился к нудным объяснениям.

– Вадим? – хриплый голос женщины, с которой я прожил пять лет, прозвучал спокойно, и вроде даже удивленно, – слушай, я сейчас на массаже…

– Лиль, а выходи за меня замуж, – хмыкнул я. Нет, ну в самом деле, а чего искать добра от добра? В конце концов, мы так же будем с ней видеться раз в две недели. Никчему не обязывающий брак, зато наш сын родится в полной семье. Не бегать же мне в поисках лопоухой лохушки?

– Ты придурок Корф, – прошипела Лилька, и я понял, что она зла, как сто чертей. И наверное сейчас мечет молнии своими кошачьими глазами. – Предложение не делают по телефоону.

– О беременности тоже не сообщают посредством мобильной связи, – нагло хмыкнул я, прекрасно зная, как действует на фурию такой тон. Она сейчас в ярости, аж задыхается.

– Ты сука, Корф. Когда ты в последний раз был дома, черт бы тебя побрал? Пошла вон, – зашипела она, скорее всего на испуганную массажистку. И девчонка скорее всего испарилась моментально. Потому что выдержать взгляд разаозленной Лильки даже у меня не всегда выходит без послед-

ствий. – Я с Гриней твоим общаюсь чаще чем с тобой. Тебе нельзя заводить семью, потому что ты самовлюбленный баран. Ты меня купил, так ты считаешь? Что ж, ты прав, но это не дает тебе…

– Так что там по моему вопросу, детка? – прервал я поток яросной речи. – Свадьба – свадьба, кольца – кольца…?

– Пошел ты в задницу, Корф, – прорычала трубка, и в ухо мне понеслись длинные гудки.

Я откинулся на спинку сиденья, пытаясь понять, чего же мне в этой жизни не хватает. Получалось, что только одного – лопоухой девки, внешность которой осталась в моей памяти слепым пятном, зато я помнил прикосновения к ее ушам, как пальцы путались в волосах и прилипали к дурацкому скотчу, которым эта дурочка лепила свои локаторы, явно жутко их стесняясь. Чертова ведьма.

– Гриша, мне надо выпить, – прохрипел я, опуская стекло. – Останови машину.

– Вадим, а шведы?

– Подождут. В конце концов это в их интересах.

– Ты чертов придурок, Корф. Совсем сошел с ума. Очнись, переставаяй рыться в себе, надо делать бизнес. Тоже мне, зажравшийся псих, потерявший смысл бытия. Ты просто избалованный сосунок. Мне надоела эта «евпатория», слышишь? Делай, что хочешь. А я пойду на подписание.

– Петя, в тот бар, в который вчера меня возил, – приказал я шоферу, равнодушно наблюдая, как Гриша выскакивает из

машины и со всей силы хлопает дверцей. Слишком мелко плавал Гришка, никто даже разговаривать с ним не станет. Без меня не начнут, короче. Но черт возьми, он снова прав. С моей жизнью происходит какая-то лажа. Вроде есть все, кроме счастья. И вчера я это понял еще более явственно. Потому что именно вчера я был чертовски счастлив. И это ощущение не отпускает до сих пор. И честно говоря, я и пить то не хотел, просто надеялся на встречу с ушастой незнакомкой, за одну ночь лишившей меня душевного спокойствия своей незамутненной невинностью и глупостью.

Глава 4

Две недели спустя

Стелла

– К сожалению, по медицинским показателям, мы не можем провести операцию в данный момент, – равнодушно произнёс врач, рассматривая документы лежащие перед ним на столе.

– Как это? Это шутка, да? – глупо улыбнулась я, чувствуя себя персонажем театра абсурда. – Слушайте, если это шутка-то не смешная. Я деньги чуть нашла, перевела их клинике. Для меня эта сумма фантастическая и вообще… Я может быть у тети любимой ее мечту отобрала, чтобы здесь оказаться. Она на Мальдивы мечтала съездить, а вместо этого собранные «кровные» мне на операцию подарила. А вы мне отказываете. Это какой-то абсурд.

– Деньги мы вернем. Тетю вашу жаль, но это ее выбор. Удержим только за обследования, мы же тратили реактивы, –

поморщился хирург, даже не подняв на меня глаза, – Стелла, в ваших анализах огромное количество ХГЧ. Ни один уважающий себя врач не станет проводить вмешательства и давать вам анестезию. Тем более, операция, о которой мы говорим не является жизненно необходимой.

– Я умираю, – осенило меня. Тело вдруг обмякло, превратившись в непослушное кукольное. – Скажите честно, это рак, да? Только ничего не скрывайте.

– Стелла, вам сколько лет? Нет, я знаю конечно, прочитал в истории болезни, просто пытаюсь понять, как вы умудрились сохранить настолько незамутненную наивность, в вашем возрасте. Повышенное содержание хорионического гонадотропина в организме человека может говорить только о двух причинах, одна из которых не угрожает жизни. И в вашем случае это именно счастливое событие, а не трагическое, – наконец посмотрел на мою персону с интересом доктор. А он молодой ещё, симпатичный, портит впечатление только желчное выражение лица и скука в серых глазах. Я для него просто кошелек с ногами. На мои деньги он купит себе путевку в теплые страны, или диван в гостиную. Точнее деньги то даже не мои, и мне за них еще придется отчитаться и долг вернуть. А этот коновал смотрит на меня, как на моль, и даже с жалостью, как мне кажется. Да и губастая медсестричка печатает на компьютере мне приговор и презрительно

фыркает дорогими губами.

– А если я не при смерти, тогда мне пофигу что там у меня с анализами. Исправьте мне чертовы уши, – вякнула я, хлюпнув при этом носом. – Хотя, даже если я вот-вот отдуплюсь, то по крайней мере моя голова поместится в гроб полностью. Так что плевать я хотела на этот ваш ХГЧ. Я плачу деньги.

– Ваша операция не срочная. Мы можем провести её и через девять месяцев. Вы же понимаете, что врачебная этика и данная мною клятва Гиппократа не позволяют мне пойти на преступление.

– Странный какой-то промежуток времени, а почему не через полгода, например? Или не завтра? Или эта ваша клятва Гиппопотаму перестанет действовать после зимнего солнцестояния, или кому вы там поклоняетесь? Я не знаю.

– Потому что беременность у человека длится около сорока недель. Это примерно девять месяцев. Плюс после родов организм женщины должен восстановиться. Да вы правы, девять месяцев это примерный срок, через который мы сможем вас прооперировать. Я бы годик подождал, – хмыкнул чертов Пилюлькин. Боже, а говорили клиника одна из лучших в стране. Куда катится наша медицина, если сума-

сшедшие дядьки считаются высококлассными профи. Да он же мог меня зарезать на операционном столе. И ему бы за это ничего не было. Доктор то похоже со справкой.

– Аааaа, – наконец до меня начало доходить, – это розыгрыш. Скрытая камера, да? Куда нужно ручкой помахать? Смешно, смешно.

Вот совсем мне не смешно было, если честно. Хотелось плакать, съесть с полкило «Коровок» с маком, «со смаком», как моя тетя Матильда говорит, и опять плакать. А ещё хотелось прямо сейчас сбежать из этого роскошного кабинета, спасаясь от взглядов полных жалости и презрения, которыми меня одаривали хирург и его помощница. Только вот тётя Мотя и Горыч, презентовавшие мне на уши последние свои сбережения, ждут меня сейчас с результатом. И я не могу их разочаровать.

– Стелла, вы беременны, срок примерно шесть – семь недель. Слышите? Я врач, а не клоун, – словно сквозь вату донеслись до меня слова врача. Если бы сейчас у меня отвалились уши и свалились к моим ногам обутым в туфельки на картонной подметке запакованные в кокетливые синие бахилы, я бы наверное испытала меньший шок. А теперь мне казалось, что кто-то оглоушил меня по глупой башке каменной дубиной.

– Это невозможно, – прохрипела я, – я же почти девственница. То есть, господи. Что я несу… Простите. Мы предохранялись.

– Человечество пока еще не изобрело стопроцентного средства, – хмыкнул эскулап. – Даже у презерватива степень зашиты всего девяносто восемь процентов. Это много, но оставшиеся два процента все же существуют. Так что…

– Об этом должны писать на упаковке, крупными буквами, – всхлипнула я.

– Там пишут, уж поверьте. Я проверял, – хохотнул гонец, принесший дурные вести. – Стелла, мой рабочий день закончен на сегодня. Деньги можете получить завтра в нашем финансовом отделе. А сейчас до свидания.

Из кабинета врача выскочила, как ошпаренная, загибая на руке пальцы, в попытке подсчитать дни моего цикла. Привалилась спиной к двери, чувствуя, что – вот-вот и просто свалюсь в обморок. На голову словно упало тяжелое ватное одеяло моей тетушки.

– Даже таких трахают, – донесся из-за двери насмешливый голос «губастой».

– Заканчивай и пойдем. Твоя философия отвратительна, так что держи ее при себе, детка. Не всем же быть красотками. В таком случае мы сдохнем с голода, лишившись работы. А девчонку жаль, с такими ушами, да еще судя по всему будущая мать одиночка. Только посочувствовать остает-

ся. Беспросвет полнейший. Да бог с ней. Устал я что – то, – ухмыльнулся врач, медсестричка игриво хихикнула. И я наконец смогла отлепиться от деревянной створки. Очень уж не хотелось, чтобы меня еще на подслушивании поймали.

Стелла

Это катастрофа вселенского масштаба. Я выскочила из клиники, словно черт бегущий от ладана. Слетела по ступенькам, хотя ноги не очень то слушались. И случилось закономерное. Свалилась. Просто кулем грохнулась на асфальт, содрав ладони в кровь. Прекрасное завершение чудесного дня.

– Ты уши резать собираешься, или жизнь самоубийством кончать? – услышала насмешливый голос лучшего друга. Гор протянул мне руку, и я с сожалением отметила, что маникюр у него лучше ва сто раз, чем у меня. Вру, я вообще не помню, когда в последний раз делала хоть что – то, чтобы улучшить свою внешность. Восковая эпиляция интимного места не считается. Я сбежала с воплями через минуту после начала экзекуции. И мой, похожий на взлетную полосу среди густых зарослей, в которых заблудился и одичал не один Индиана Джонс, лобок видел чертов мистер «меня не зовут, я сам прихожу» ровно через два дня после процедуры. И не только видел, но и по хозяйски права свои заявлял. Черт, вспомнила прикосновения горячих пальцев к «аэродрому»

и чуть не сошла с ума от дикого возбуждения.

Могу себе представить, как он ржал в душе над ушастой идиоткой, которая позволила воспользоваться собой в его дьявольских целях.

– Я подумал, что нужен тебе, – глупо улыбнулся Горыч.

Если бы он только знал, насколько. С Горычем я познакомилась еще в детском саду. И мы с ним даже не друзья. Закадычные подружки. Именно мне первой он рассказал о своей мечте стать изаестным модельером. А я мечтала о принце, о семье о счастье. А теперь все эти грезы мои просто накрылись недоэпилированной… И что делать, я не представляю, даже примерно. Полный и бесконечный бесперспективняк.

– Стелка, назначили дату операции?

– Горыч, помнишь, когда твои родители оставляли тебя ночевать у Моти, что она говорила, бросая нам, едва проснувшимся, колготки? Ну, когда мы в «сад» собирались? Помнишь? Холодно, мы сидим на кроватях, и тут врывается тетя мотя, кидает мне красные колготки, тебе коричневые. И она говорила…

– Она говорила, дети запомните – две полоски – это жопа – хохотнул Горыныч, зачем-то поддернув джинсы на тощем заду. – Мотя огонь. Прикинь, она купила себе «сникерсы». Когда нибудь я стану таким же, как наша старушка. Слушай, а при чем тут колготки?

– Ни при чем. Горыч, ты знал, что уровень защиты у презеративов девяносто восемь процентов?

– Да, – кивнул мой старинный друг. – Еще подумал, что жаль с людьми такая система не прокатывает. Человек может быть гондоном на любое количество процентов.

– Горыч, я беременна, – выдохнула я и зажмурилась. И. Ничего не произошло. Земля не взорвалась, мир не рухнул, сине – зеленый шарик не перестал вертеться вокруг своей оси. Только Горыныч как то странно всхлипнул, и разжал свои пальцы, выпустив из них мои ладони.

До дома меня довез Горыныч на своей дурацкой маленькой машинке, метко прозванной народом «шмаровоз». Довез в гробовой тишине. Да мне и не хотелось общаться. Я думала о том, что не смогу выраститбь ребенка. У меня нет работы. Тетя Мотя уже не девочка. А еще я просто боюсь рожать. И знаете почему? Я боюсь, что мой ребенок получит от меня чертово проклятье. Мое проклятье, с которым я живу двадцать пять лет.

– Я решил. Мы поженимся, – наконец отвис мой друг, и я едва подавила нервный смех. – Наш малыш будет расти в полной семье.

– Горыч, ты нормальный? – не сдержавшись заржала я, чувствуя себя персонажем театра абсурда. – Какие из нас родители получатся? Ты – хреновый бьюти – блогер и я – баклавр идиотизма. Милый, я тебя очень люблю, но этого ребенка не будет. Не бу – дет, – выдохнула я, поперхнувшись последней фразой.

– Ты «бич» – хрюкнул Гор, паркуясь возле уютного подъ-

езда. Тут пахло детством, и Мотиными рогаликами, и литрами зеленки, которыми она заливала наши колени. Я люблю дом, ставший мне родным. Но сегодня мне не хватает детского драйва.

– Горыч, можно я сама? – спросила тихо, и он молча подчинился. Я знаю, что он меня понимает даже без слов.

Поднялась на этаж, вошла в любимую квартиру. Маленькую, но такую уютную, пахнущую моим детством. Моти дома не было, и сегодня меня это даже обрадовало. Прошла в свою комнату, детскую, как говорит тетя.

Джинсы сняла с наслаждением. Не может быть, конечно, чтобы я уже раздалась в талии, но пояс американских брючат, буквально впился в бока. Мотя всегда говорила, что женщине. Чтобы почувствовать себя счастливой, достаточно снять лифчик и каблуки. Мудрая женщина. Мудрая и лучшая. Я натянула растянутые треники, худи, вооружилась ложкой и двинула к холодильнику, предвкушая полкило пломбира.

– Две полоски – это жопа, – пропела я, замерла на месте, как годзилла, а потом ломанулась к двери. Черт, почему я так сразу и безоговорочно поверила Пилюлькину? Почему я такая дура?

На ходу прихватила кошелек. Все же так просто. Я сейчас добегу до аптеки, куплю тесты и все мои проблемы рассеются как дым. Я не могу быть беременна. Хорошо помню как дикарь натягивал на свой… На своего… Черт, об этом нель-

зя мечтать. Да, именно мечтать, а не думать. Иначе можно сойти с ума. Статьт чокнутой теткой, поклоняющейся фаллическим идолам. Девяносто восемь процентов – это офигеть как много. Это больше чем пятьдесят, уж точно.

Добежать я смогла только до перекрестка, сжимая в ладошке мятую купюру. Наверное я выглядела безумно – растрепанная тетка, в уродской пижамке и в тапках, которые просто забыла сменить на кроссовки.

Светофор мигнул желтым, я глупо улыбнулась и сделала шаг. Мир перевернулся, тапки с ног сорвала непреодолимая сила, я кувыркнулась в разреженном воздухе и уставилась в безоблачное небо.

– Не успеем к шведам, – хмыкнул в моем сознании очень знакомый голос. – Вы как?

– Две полоски – это жопа, – вякнула я, пытаясь сфокусироваться и при этом лихорадочно вспоминая, приклеила я чертовы уши или нет. Почему то именно это казалось мне сейчас невероятно важным.

Вадим

– Вадим, звони Лильке, – проорал Гриша, появляясь на пороге кабинета. Когда-нибудь я его убью, порешу не задумываясь. Я поморщился, пытаясь побороть звенящую боль в тяжелой голове, и схватил со стола каменное пресс – папье. – Сдвинулось дело, наконец то. Свеи нам приглашение

прислали. Сегодня в посольстве прием.

– Я не пойду, – хмыкнул, с удовольствием глядя на озадаченное лицо своего зама. – И при чем тут моя зажравшаяся невестушка?

– Ты приглашен со спутницей. У шведов институт брака на первом месте. Если придешь один, могут не понять. А нам сейчас не нужны эти рамсы. Корф, ну хоть раз в жизни, будь человеком. На кону огромные деньги. Ну что тебе стоит?

– Мне хватает всего, – я достал из стола чистый стакан и потянулся за графином с бренди. – Я не пойду. Почему я должен делать то, чего не желаю?

– А мне не хватает, черт тебя побери, – заклокотал Гриня. – Вадим, что с тобой происходит? Мы этот проект полгода готовили. Столько сил вложено. Ты какого хрена творишь?

– Ладно, – сделав приличный глоток огненной воды, отудобел я и достал мобильник. – Знаешь чего я хочу? Самолет. Куплю себе чертову стальную птицу на бабки полученные от чухонцев. И еще, Гриша, я терпеть не могу, когда подчиненные со мной говорят в таком тоне. Уясни это. И не рискуй больше.

Лилька ответила не сразу. После того как я пьяный ввалился в нашу спальню, в обнимку с похабным медведем, собранным из «вечных цветов», делать ей предложение, разговаривает со мной она исключительно, как с бородатым парнокопытным. Проклятые розы воняли химией, я исколол все

руки, медведь разлагался прямо на глазах. Короче, это было фиаско. Апофеозом стало то, что я уснул стоя на одном колене и позорно проснулся утром на ковре, в обнимку с трупом топтыгина. Но на пальце Лильки красовалось кольцо, и я понял, что пропал. Точнее попал.

– Чего тебе, дорогой? Надеюсь ты все еще трезв? Или в конце концов доехал до дома, и теперь рвешь и мечешь от бессилия? – противно поинтересовалась Лилька, и на заднем плане я услышал противный смех ее заклятой подружки. – Вадик, сегодня я вне зоны доступа. Точнее, для тебя теперь всегда.

– Ты мне сегодня нужна. При параде и во всем блеске, – приказал я, даже и тени сомнения не имея, что Лилька с удовольствием выгуляет одно из миллиона своих новых нарядов.

– Иди ты в пень, Корф. Ты когда дома в последний раз был?

– Какое сейчас это имеет значение? Ты моя невеста, так что изволь соответствовать, кольцо же ты носиш с удовольствием. Шведы хотят видеть своего партнера в компании любимой. Так что не кривляйся, куколка. Ты же давно мечтала меня окольцевать. Сегодня будет повод похвалиться достижениями. А я тебе за это куплю тот кабриолет. О котором ты мне прожужжала мне все уши.

– Корф, я уехала из твоего дома неделю назад. Ключ оставила на столе. Кольцо оставила себе на память, так сказать

в качестве моральной компенсации. Вадим, очнись. На тебе свет не сошелся клином. Мне надоело разговаривать с твоим нукером. Ты всегда слишком занят, слишком устал, слишком пьян. У тебя не бывает полутонов. Всегда все слишком. Я думала моя беременность тебя немного охладит. Смешно. Расслабься Корф, я тебя обманула, выродка не будет. Неужели ты думал, что я рискну свободой и фигурой только ради того, чтобы окольцевать необузданного жеребца? Это было бы слишком неблагоразумно с моей стороны. А я девочка умная, – тихо засмеялась Лилька. А я вдруг остро почувствовал сожаление. Нет, мне было пофигу, что эта зажравшаяся сука меня кинула. Я даже испытал мини-оргазм от осознания, что больше она не будет шляться у меня перед глазами, корча кислые физиономии и дуя гелевые губища и ноя о свадьбе, как майская муха. Я остро осознал, что не стану отцом, и это меня опустошило.

– Я так понимаю Лильки не будет, – вякнул Гриша, когда я нажал кнопку сброса вызова, повертел мобильник в руках, собираясь расхерачить его об стену. Но передумал, и положил трубку на стол. – Придется заказывать экскортницу. Корф, ты каких предпочитаешь? Блонди, брюнеток, или может рыженьких?

– Я предпочитаю чтобы ты исчез, – рыкнул я, наливая себе еще порцию алкоголя. – Мы с тобой десять лет вместе, Ухов, а ты так и не понял, что я не трахаю дешевых шлюх, не играю в азартные игры, и терпеть не могу тупых советов.

– Они отнюдь не дешевы. Ценник заоблачный, – хмыкнул Гриня. – И они не шлюхи. Это оптимальный вариант. Девки воспитанные, начитанные и могут поддержать разговор на любую тему. Мане от Моне отличают.

– Если свинью обозвать цветком, она не станет благоухать как майская роза, – поморщился я, делая большой глоток бренди. – Продажные девки – бляди, как их не назови. Но ты прав. Сегодня мне надо расслабиться.

– Ты бы хоть закусывал. Прием вечером, а ты приползешь на него на рогах.

– Поехали, отвезешь меня домой. Заодно выберем бабу для сопровождения, – устало вздохнул я. – Отдохнуть мне надо, тут не поспоришь.

– Останови тут, – приказал я шоферу, увидев вывеску дорогой кофейни. Голова болела нещадно, во рту поселился привкус клопов и жженой резины. В животе кишка кишке била по башке. – Я хочу кофе. Гриша, ты слышал? Кофе. С молоком, кучей сахара и вонючей шоколадкой. Латте хочу, или нет, мокачино, только не в уродской бумажной чашке. А в стакане с двойным стеклом.

– Совсем очумел. Это наш Кузенька с жиру бесится, – буркнул мой зам., выбираясь из машины. Я уже начал задремывать, когда мне в руки Гриша сунул стакан, исходящий паром. И морда у него при этом была такая, словно он наступил в собачье дерьмо своими лаковыми ботинками.

Машина двинулась, я успел с наслаждением втянуть ноздр-

рями горько – молочный аромат.

– Твою мать. Вот идиотка, откуда она взялась? – выругался Петя и дал по тормозам. Огненный кофе вылился мне на ширинку. Я взвыл, дернул на себя дверцу и вывалился на улицу ревя как стадо бизонов в период спаривания, на ходу спасая своего «змея» от ожогов первой степени, сдирая брюки.

Она сидела на земле, широко раздвинув ноги, затянутые в широкие трикотажные спортивные штаны. Черт, интересно, какие у нее эти ноги? Наверное стройные. Девка отталкивалась от асфальта маленькими розовыми, трогательно – колсолапыми ступнями, и отползала от меня на попке, и мне было страшно, что она раздерет ее в кровь. Дурочка смотрела на меня безумным взглядом, рот был открыт, но она молчала. Как в немом кино. Я вдруг осознал, что стою напротив испуганной девки в одних трусах залитых коричневым кофе. И выгляжу, скорее всего как маньяк. Странно, но у меня было чувство, что я уже где-то встречал эту малышку. Стойкое такое ощущение, от которого в улитых латте трусах, началось предательское шевеление.

– Только попробуй приблизиться, – пропыхтела взлохмаченная девка, выставив вперед чайную ложку, – порешу.

Я ей поверил. Судя по плещущемуся в ее глазах безумию, этой ложечкой она бы могла положить роту вражеских солдат, посягнувших на ее добродетель.

– Я нагнулся, поднял с земли розовую тапку украшенную

цветными помпонами, сделал шаг к малышке, запутался в спущенных до щиколоток, мокрых брюках и…

* * *

Оказывается падать – это невероятно приятно. Это головокружительно и охрененно бесподобно. Этло как с головой, в глубины пахнкщего жженными яблоками ада. Страшно, но блин огненно гоорячо. Я уткнулся носом между ног этой глупой дурочки, бросившейся под колеса моего лимузина, и втянул ноздрями острый волнующий аромат женщины. В голове загудела реактивная турбина, а в трусах, облитых остывшим кофе пробудился первобытный зверь. Я даже испугался за сохранность недавно положенного асфальта. Еще чуть-чуть, и я бы его взрыхлил одуревшим от возбуждения «плугом».

– Две полоски – это жопа – всхлипнула глупышка, и остервенело замахала чертовой ложкой.

– Вадим, ты живой? У чертовой дуры заточка. Вадь, я вызову полицию. Это покушение. Фанатичка гребаная – наконец смог расслышать я испуганный голос, суетящегося вокруг меня Гриши. До этого он был мне недоступен по причине того, что в моих ушах дудели горны и звенели чертовы литавры. Запах самки сводил с ума.

– Нет блин, сдох от стояка, простите мадам, – пробухтел я в промежность одуревшей куколки, пропустив между ушей

идиотизм моего зама. Сейчас мне не до него было. Я почти ощущал шеей смертоносное прикосновение столового прибора, Ледяное прикосновение сладкой смерти. Черт, после того, что я носом вспахал… Да я жениться сейчас был готов, не то что павлиний хвост из задницы выпустить. – Мы с вами не встречались? Что-то я не узнаю вас в гриме.

– Гад и хамло, – констатировала девка, юркой змейкой пытаясь вывернуться из моего захвата. Сука, я чуть не заорал от горького разочарования. Жертва вдруг стала самой наглой паскудой, избежавшей моей охоты.

– Как тебя зовут? – спросил в промежность, словно в волшебный микрофон, потому что остальные части тела красотки были мне недоступны. Она засопела, и отползла в сторону. Явно ей тоже был неприятен мой монолог с ее вагиной. «Меня зовут, Катя» например – паноптикум, бляхаа муха. Ее аромат сводил с ума: сладкий, как патока, волнующий, солоноватый. Черт. Это же просто песня похоти. Я затрясся в беззвучном смехе, и подумал, что наверное стоит посетить караоке. Захотелось. Навеяло.

– Меня не зовут, я сама прихожу, – хмыкнула эта нахалка, сдвигая «Трикотажные колени».

Мне повезло. Как раз в этот момент Петя, под предводительством моего зама, поднял меня за шкирку, как блудливого пса, и заботливо начал стряхивать с меня пылинки. В противном случае асфальт, положенный криворукими работягами рисковал обзавестись дырой размером с марианскую

впадину. А это могло бы быть расценено, как вредительство. Идиотка тоже поднялась на ноги, и замерла на месте, оглядываясь по сторонам, как попавшая в сказочную страну Элли, в поисках своего неугомонного Тотошки. И, черт меня раздери, я хотел быть сейчас на месте глупой, виляющей хвостом псинки. И лизнуть малышку в шею, а потом ниже, ниже, еще немного ниже…

Ну не могут бабы, которых я вижу впервые, действовать на мой организм настолько убийственно. Это же абсурд.

– Шеф, может в аптечку? Ну там раны обработать. Ожоги, – зачастил Петюня, рассматривая пятно от кофе на гульфике моих «боксеров». И слава богу, что он отвлек меня от горячечных фантазий. Ух и хорош же я был сейчас, с пятном на белоснежных трусах и чертовым «змеем» воспрявшим и нацелившимся на мадам.

«Меня не зовут, я сама прихожу». Кстати, откуда только эта овца узнала мою коронную фразу? Додумать я не успел. Куколка шарахнулась от меня, как черт от ладана. Снова ломанулась через дорогу, невзирая на горящий красный свет. Чертова самоубийца. Мне всегда нравились сумасшедшие бабы. Я услышал визг тормозов, мат, несущийся из открытых окон машин и вдруг почувствовал, как на глаза мне опускается кровавая пелена. Девку обидели, и это привело меня в неописуемую ярость. Хотелось убивать всех и вся. Оттолкнул Гриню, хлопочущего вокруг меня и не разбирая дороги кинулся за беглянкой. И не дай бог сейчас, встал бы у меня

кто на пути. Я нагнал ее возле стеклянной аптечной двери, и вдруг понял, что стою посреди улицы в грязных трусах, расхристанной рубашке и ботинках. Интересно, когда я успел снять носки?

– Маньяк, – выдохнула она, когда я ухватился за дверную ручку. – Если не отстанешь, буду орать. Знаешь, как я орать умею? Хочешь проверить?

– Могу себе представить. А если еще ложкой будешь размахивать, на коне прискачет рыцарь и выкосит всех вокруг столовым ножом. Вы же в стаи сбиваетесь, да? Слушай, если я велю водителю купить мне новые трусы, ты меня воспримешь более благосклонно? – поднял я руки, сдаваясь на милость сладкого врага, от которого кружилась бедовая башка даже больше чем от поллитра вискаря.

– Только если ты не станешь переодевать их прямо тут, – облизнула губки странная мышка. – Я не вынесу этого зрелища.

– Я думал ты мне поможешь. Подержишь, так сказать, и поддержишь, – хмыкнул я, глядя, как ее щеки заливает горячая краснота. Именно с этой же скоростью у меня отливала кровь от бедовой башки, устремляясь вниз. – Слушай, у меня к тебе предложение, – прохрипел, едва справляясь с желанием трахнуть ее прямо на тротуаре.

– Только не туалет, – простонала девка. Странная. О чем это она? Туалет. Уши. Господи. Но у этой куклы они совсем не торчат, и этот фетиш сейчас мне все портит. Она не моя

зайка. Я просто в очередной раз нажрался и словил белку.

– Мне нужна спутница. Один вечер, шведское посольство, платье, маникюр прическа и охрененный мужик на один вечер, – идиотски улыбнулся, став похожим на гуимплена. – Я заплачу сколько скажешь. Любые деньги. Срук на ответ до вечера.

У девки дернулась щека. Ложка в руках блеснула в сете заходящего солнца, как меч ниндзя.

– Надеюсь – охрененный мужик этосне ты?

– Именно, – расправил я волосатую грудь, которая всегда раздражала своей мохнатостью наглую Лильку. – Я конечно.

– Иди ты в пень, чертов маньячило, – простонала она, принимая из моих рук смятую визитку. – Господи, за что?

Последнюю фразу я не понял. Меня отвлек Гришка, накинувший мне на плечи какой-то идиотский плед, и квохчащий как наседка. Девчонка исчезла. Была и нет. О ней напоминала только сиротливо лежащая на асфальте понпончатая тапка. И сейчас я готов был загрызть эту паскуду Гришку, из-за которого я упустил свою жертву, И который считает себя моим другом.

Глава 5

Стелла

Бомба же не падает в одну воронку, правда? Нет, были, конечно, прецеденты. Но так локально – никогда. Плюс-минус километр. А тут…

Я ввалилась в квартиру, похожая на макаку, преодолевшую сотни километров по джунглям в сезон дождей. Даже дрожала и подвывала так же, как приснопамятный примат. Между ног было горячо, а в голове гулял ветер. Я до сих пор ощущала горячее дыхание нахала, тем местом, от которого все мои проблемы.

Дома пахло счастьем. Грецким орехом. Ванилью, кардамоном и…

– Ты похожа на плененного под Аустерлицем француза, – хохотнула Мотя, появляясь на пороге кухни, наряженная в свой неизменный фартук, от которого у всех наших гостей неизменно захватывало дух. По крайней мере, мои бывшие одноклассники, ходили ко мне в гости табуном с удовольствием и даже записывались в очередь. Мотя смогла организовать мне в школе дешевую популярность, затратив при этом пятьсот рублей и кучу терпения. Всего и надо то было

купить передник, с нарисованной на нем, обнаженной женской грудью. – Сколько раз тебе говорить. На улицу надо выходить при параде, даже если тебе просто до мусорного бака надо добежать. А вдруг ты свою судьбу встретишь. И где обувь твоя? Эстель, это просто неприлично расхаживать по улицам в таком виде. И где второй тапок?

Там же где и моё чувство самосохранения. Не говорить же тетушке, что в последний раз пантуфлю, купленную мною в магазине «все по полтиннику» я видела в руках чертова придурка, сидя в кустах, в которых пряталась от него же. Тоже мне, принц датский. Вот только я не Золушка, и не стану ею никогда. Где вы видели ушастых принцесс? То – то же.

Я опустила вниз глаза и уставилась на грязные лапы и съехавшие на бедра треники, похожие на половую тряпку А еще на тесты в своей руке, которую тут же скрыла за спиной, очень надеясь, что тетушкино орлиное зрение ее сегодня подвело. Не помню когда успела их купить, как в тумане, ей-богу. Вроде и не была в аптеке. Чертов маньяк появился снова, и меня это беспокоило. Даже черт из табакерки не выскакивает с таким завидным и упрямым постоянством. Или у меня проснулась паранойя. За мной однозначно следят. Не знаю с какой целью. Но я это выясню.

– У тебя стрихнина нет, случайно? – уныло спросила, ковыряя вилкой авторскую тетину пахлаву.

– Есть немного «кислоты», но не рекомендую. Пучит потом адски, и геморрой обостряется. Особенно если примут

фараоны, – открыто улыбнулась моя любимая тетушка, которой кстати через месяц грянет семьдесят. Выглядит она очень экстравагантно – волосы выкрашенные во все цвета радуги, одежда как у тинейджера, за которого ее, кстати и принимают со спины. Я ее очень люблю. Мотя заменила мне погибших родителей, не отдала на попечение государства. Всю жизнь тянула лямку, замуж так и не вышла. Пожертвовала личным счастьем ради дочери своего сводного брата. И сейчас пытается просто почувствовать то, что не успела пережить в своей жизни. Кем я буду, если повешу ей на шею еще одного орущего младенца, которого нагуляла с незнакомым пьяным мужиком, возможно даже в подворотне. Да и кто может родиться от алкаша? Ушастый мутант? Я всхлипнула и тихо заскулила в чашку.

– Рассказывай, что случилось. Только быстро, мы сегодня с этими старыми клюшками, моими коллегами, идем в стрип – бар. Я вон даже денег наменяла, чтобы удобно было… – замолчала на полуслове блестя глазами. Мотя. Ну разве я могла в этот момент ей сообщить о своей беде? Поспешно сунула тесты в карман, и сделала глоток огненного чая. Подавилась, и принялась отфыркиваться, как дохлая кобыленка.

– Мне отказали в операции, – чересчур жизнерадостно произнесла я, стараясь не смотреть в лицо любимой тетушки. Хотя я знаю, что сейчас она раздувает тонкие ноздри от ярости и щурит глаза. Обычно это предвещает бурю в пустыне, лесные пожары и прочие катаклизмы. Я сжалась на стуле,

зная, что спасения нет. Зажмурилась…

– Э, вы где? – голос Горыча, прозвучал как выстрел.

– Ты снова не закрыла за собой дверь? – спокойно спросила Матильда. – Когда нибудь у нас украдут бабулину швейную машинку. Бедные воры, у нас ведь нет кроме нее ничего ценного. И их потом найдут по выпавшим грыжам, потому что поднять раритет кишка тонка даже у бандитов.

– А вы снова жрете? Девочки, много кушать вредно. Сейчас диета есть очень модная. Палео называется. Я ее придерживаюсь и чувствую себя как огурчик. Так наши далекие предки питались между прочим, – хмыкнул наглый друг, появляясь на пороге кухни. В руках этот придурок держал книгу на обложке которой одуревшая от счастья тетка обнимала объемистое пузо. Мне захотелось вырвать у него из рук огромный талмуд и треснуть Гора по осветленной башке. Спас предателя мой любимый питомец – белоснежный крыс, по кличке Капитан Спарроу. Он влез мне на колени и потребовал свою долю пахлавы. А противном случае, Горычу грозила лютая смерть.

– И поэтому ты беременен, – озадаченно хмыкнула Мотя, рассматривая протараненный дар.

– Не я, – расплылся в улыбке мой лучший друг. Бывший лучший друг, мать его за ногу. – Одна моя знакомая. Моть, у мальчиков нет матки. Ау. Ты же бывший учитель химии и биологии, кому, как не тебе знать.

– Спасибо, что напомнил, хмыкнула Матильда, развязы-

вая тесьму на фартуке. – Пора мне. Старые клячи проклянут меня, если мы не успеем к началу вакханалии. Эх, надо было мелочи наменять. Тогда бы эти жеребцы, трясущие своими половыми признаками еще и звенели, как золотые антилопы. Это страшно заводит, поверьте тете Моте, детишки. И запомни, Жора, бывших учителей не существует, как и бывших наркоманов. Отдыхайте деточки.

Я слушала, как за тетей захлопнулась дверь, досчитала до пятнадцати и сорвалась со стула, под удивленным взглядом Гора. До туалета я добежала со спринтерской скоростью, на ходу выуживая из кармана упаковки с тестами. Чертов брючный карман вывернулся наизнанку, из него что-то выпало, но я не обратила на это никакого внимания. Сейчас меня интересовали только описанные мною тест – полоски, различных модификаций. Я взяла различных, чтобы уж наверняка.

– Вау, – раздалось из-за двери туалета. Интересно, что привело в такой восторг самого неудачливого в мире бьюти-блогера. – Стелка, открой. Да не молчи дура. Все, я ломаю дверь.

Мне было все равно. Во-первых, я знала, что сломает Гор скорее плечо, этажерку, или разнесет половину квартиры, но дверь выбить не сможет. А во вторых, я смотрела на выложенные на раковине рядком тесты, и бордовые полоски на них рябили в моих глазах, как тельняшка моряка. Открыла рот, из которого наконец то вырвался рев, похожий на крик спаривающихся годзилл.

– Поберегись, иду на помощь-донеслось из-за двери, как раз в тот момент, когда я открыла воротину. Тощее тело Гора влетело в туалет словно болид, впечаталось в стену, снесло со стены зеркало, тесты разлетелись в разные стороны. Горыныч осел на пол и затих.

– Гор, я хочу кислой капусты, – всхлипнула я. – Найди мне врача.

– Гинеколога, который будет вести твою беременность? – поинтересовался мой друг, на лбу которого наливалась красивой синевой огромная шишка.

– Ребенка не будет, – выдохнула я, и пошла к компьютеру, смотреть цены на аборт в клиниках мегаполиса. Денег у меня нет. И я даже примерно не представляю, где их взять.

– Ты дура, – вздохнул Горыч, – Эсти, мое предложение все еще в силе. Я готов жениться и разделить с тобой все тяготы, так сказать.

– Милый, мы с тобой Кэпа не в состоянии прокормить, – горько усмехнулась япоглаживая гладкую шерстку крыса, карабкающегося мне на плечо. – Ну как мы вырастим ребенка. Твои блоги читают два с половиной человека, обзоры смотрят столько же. Я вообще бесперспективная. Дорога мне в продуктовый магазин продавцом, и это в лучшем случае. Живем мы у моей тети. Бедный младенец заранее обречен на убогое существование. Да и ты себя просто загонишь. Понимаешь, семья и любовные похождения вещи несовместные. Ты никогда не сможешь быть счастливым. В конце концов ты

меня возненавидишь, потому что против собственной природы не попрешь.

– Он обречен на жизнь, в первую очередь, – спокойно ответил Горыныч. – Она конечно не варенье, но иногда и в ней встречаются кусочки засахаренных фруктов. Жаль, что ты так и не научилась это понимать и ценить.

Тоже мне философ доморощеный. Это ведь не ему девять месяцев придется расти в ширь, отекать, впихивать в себя несочетающиеся продукты, бороться с гормональными всплесками и токсикозом. Не ему нужно будет выталкивать из себя младенца в отверстие диаметром со сливу. И это не он сейчас принимает самое сложное решение в своей жизни.

Я всхлипнула, зажала рот рукой и ломанулась в сторону разгромленного туалета. Видимо человечку, растущему во мне не понравилось мое решение. Я едва успела согнуться над унитазом, как меня вывернуло.

Горыч сидел на диване, когда я вернулась и вертел в руках какую-то бумажку, восторженно цокая языком.

– Ты где взяла эту визитку, Ети? – спросил он с придыханием, мне даже показалось, что мой экзальтированный друг готов свалиться в обморок. Он, а не я, едва стоящая на ногах от головокружения. – Я ее нашел на полу, ты выронила.

– Гор, у тебя есть деньги? – проигнорировав вопрос спросила я, пытаясь вспомнить, что за визитку он нашел. Клочок дорогого картона горел золотыми буквами, но я, как ни силилась не могла прочеть имя на нем написанное. Да и черт с

ним. Мало ли, какие глупости я таскаю в карманах.

– Сколько надо? Тысячи три наскребу. А зачем тебе? – вот всегда у него так, сначала делает, а потом спрашивает. Наверное по – этому ничего у моего бьюти – блогера, толком не выходит.

– Мало, – всхлипнула я, и вдруг вспомнила, откуда у меня визитка. В моих выдающихся ушах загудела турбина реактивного самолета. Я вдруг вспомнила, кому принадлежит визитка – виновнику всех моих бед.

– Выкини ее, – рявкнула, напугав при этом Горыча. – Нет, дай я. Сожгу к чертовой матери, чтобы уж наверняка. Надо же, он мне предложил быть его экскортницей. Черт зажравшийся. Даже не узнал, или вид сделал. Подонок, хамло, скот, – уже всхлипнула я, без сил опускаясь на пол. Ну как так то, а? Буквы на визитке буквально гипнотизировали. Его зовут Вадим Корф. Даже имя шикарное. Кто он, а кто я. Надо просто выкинуть из головы этого зажоравшегося богатея.

– В смысле экскортницей? Ты его откуда знаешь, вообще. Корф же божество. Подожди, – с места в галоп сорвался Жора, шлепая тапками. У Моти пунктик, она запрещает нам дома ходить босиком с самого нашего детства. Боится, что мы отстудим себе все наши детородные органы, и почки да ивообще весь наш бестолковый ливер. Как-то так получилось, что и Горыч переехал к нам. Его родители не отличались чадолюбием. А уж когда папа Гора, капитан полиции узнал о бьюти блогерстве сына, Гор полностью обосновался

в маленькой спальне. Так что вы понимаете, он мне как брат. Короче, Мотя спасла мои детородные функции, на беду. И теперь я не знаю, что с этим делать. Просить у тетушки денег на аборт? Она меня четвертует, и выставит мою голову на центральной площади, на посмотрение. Родить – это просто эгоистично обрекать ребенка. А вдруг ему достанутся мои уши, и куриный мозг.

– Вот, – сунул мне под нос какой-то мужской журнал Горыныч. Я задохнулась. С обложки на меня смотрел отец моего ребенка. Только вот на вото он был кристально трезв, одет с иголочки, и в глазах его не плясали черти. Скорее они были похожи на два смертоносных ружейных дула, способных прострелить насквозь любого. – Офигенный. Я с ума по нему схожу. Вылез сам, буквально из грязи. Стал очень богатым, одним из влиятельнейших бизнесменов страны. Вадим Корф. Жаль что он не свободен, да и невеста есть у него, а то бы я…

– Невеста, – зачаровнно повторила я. Ну конечно. Наверное холеная и красивая. И она родит ему красивых детей. Все я правильно решила.

– Подожди, в смысле экскортницей? Что у него денег на дорогую девочку…? То есть прости. И ты отказалась. Ети, так это же может решить твои проблемы. Тебе нужнаы деньги, Корф нуждается в сопровождающей. Представляешь, как в «Красотке». Он в тебя влюбится и приедет сюда на белом лимузине. У нас правда нет лестницы снаружи, зато водо-

сточная труба крепкая. И он… Подожди, а ты откуда его знаешь?

– Случайно познакомились, – ответила я уклончиво. – Представляешь, если у меня на приеме уши отклеются, – захохотала я, умваясь слезами. Черт. Вот и гормоны с истерикой. – Это будет офигенное шоу.

– Ну, я же бьюти – блогер и модельер, на минуточку, – выпятил хилую грудь мой манерный друг. С достоинством удалился, через минуту явился обратно, сжимая в руках странную конструкцию, украшенную огромным пушистым пером. Я икнула, когда он мне водрузил на голову это чудо больной фантазии доморощенного модельера. Больше всего штука была похожа на фигню от электрического стула, которую на голову смертникам надевают. Только из центра красотищи, торчал выдранный из птичей задницы клок пуха. У меня дернулся глаз, когда я представила, что явлюсь пред ясны очи Корфа, похожая на жар птицу из сказки. Кожанные ремни конструкции плотно сели мне на голову, и при этом прижали уши. А ничего вещица. Если перо убрать, можно носить повседневно. Хорошая штука. – Специально для тебя разрабатывал. Тут вот волосами прикроем, тут прическу навертим. Платье тоже найдем. Я недавно закончил эксперементальную модель. Корф оценит, и может после этого даже меня проспонсирует. Ты же замолвишь за меня словечко. Ети, ты прекрасна.

– Гор, я не пойду никуда. Это унизительно просто. Я не…

– Звони сейчас же, – пихнул мне в руку телефон, чертов предатель. – Тебе же нужны деньги…

– Я не… – пискнула я.

– Алло, – раздался из мембраны телефона бархатистый, мурлычащий голос моего мучителя, – я вас слушаю. И не молчи, детка. У меня в заложниках твой тапок.

– Ты… – зашипела я.

– Десять кусков зеленью за рандеву сегодня вечером, плюс тряпки и салон красоты, – деловито хмыкнул этот паразит.

Я растерянно посмотрела на Горыча, и мне показалось, что он сейчас ссвалится в обморок.

– Без интима, и я приду в своем, – всхлипнула я в трубку.

– По рукам, – ответил паразит и отключился.

Вадим

Странная рыбка заглотила крючок. Что-то неправильное творится в моей жизни, раз я западаю на полусумасшедших уличных малышек. Но эта девка сегодня пахла так знакомо и дразняще – фиалками, детским мылом и песочным печеньем. И я затаился, как хищник, в ожидании встречи с глупенькой жертвой, плывущей в мои загребущие лапы.

– Ты чертов придурок, – ухмыльнулся Гриня, когда я поднял с земли маленькую тапку. – Эта дурнушка все равно не позвонит. Ты напугал ее до икоты Корф. Так что давай наймем профи.

– Себе найми, – хмыкнул я. Конечно я ее напугал. Огромный мужик в мокрых вздыбившихся трусах. Я такое испытывал только с той ушастой, которая до сих бор бередит мои воспоминания. Я даже пытался ее найти, но тщетно. Камеры в клубе работали наполовину, а те что все же снимали, качество давали такое, что моему начальнику службы безопасности удалось рассмотреть только движущиеся темные пятна. – Гриня, если не она, то никто. Пойдем с тобой вдвоем, как парочка голубков. Шведы это любят.

– Только трусы переоденьте, господин Корф, – ухмыльнулся Григорий, прикрывая меня колючим пледом. – И надеюсь, это ты не мне так радуешься. В противном случае придется тебе на прием одному идти. Я боюсь за свою честь и достоинство.

– Да пошел ты, – прорычал я, скинув с плеч одеяло, и намотал его на бедра, в надежде скрыть вздыбившуюся плоть. – Проверь тут все. Мне не нужна слава. Если завтра хоть одна заметка появится в интернете или в газете уволю.

Я люблю свою городскую квартиру. Ту, что я купил, когда заработал первые деньги. В ней пахло тем самым гребаным счастьем, мечтами и куриным супом, который варила моя бабушка, пока была жива. А сейчас она отдавалась гулкой нежилой тишиной. Лилька это жилище невзлюбила сразу, оставив мне его в качестве личного пространства. Я прошел к бару, плеснул себе виски. Прав Гришка, пора завязывать. Бабушка говорила, что алкоголизм это не болезнь,

а распущенность. И была как всегда права, старая. Поморщился, выплеснул дорогое пойло в мойку и пошел в ванную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.